

DOI: 10.31857/S0130386424010166

© 2024 г. В.Г. АНАНЬЕВ, О.Б. ВАХРОМЕЕВА

ДВА ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРА АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ В ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ: ТРАЕКТОРИИ СУДЕБ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ананьев Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.g.ananiev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7419-6339; Researcher ID J-2692-2013

Вахромеева Оксана Борисовна — доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: voxana2006@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9936-3159

Аннотация. Статья посвящена реконструкции биографий двух первых директоров Ленинградского государственного антирелигиозного музея, открытого в 1931 г. в Исаакиевском соборе в Ленинграде. Представленный в работе материал, с одной стороны, важен для лучшего понимания одного из слабо изученных сюжетов в истории музея. Он позволяет более точно увязать эту историю с большой историей эпохи. С другой стороны, он имеет и более широкое научное значение. Музей является не только хранителем артефактов культуры прошлого, но и самостоятельным артефактом собственной культуры. Анализ его истории позволяет лучше понять обстоятельства места и времени его функционирования. В основе статьи лежат материалы нескольких архивов Санкт-Петербурга (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, Научный архив Российской академии художеств). Почти все они впервые вводятся в научный оборот. Авторы показывают, что для Льва Николаевича Финна и Сергея Сергеевича Терехова работа в Антирелигиозном музее была довольно кратким эпизодом их профессиональной деятельности. Она реконструируется в статье на фоне бурной истории того времени, обстоятельства которой повлияли на становление личности каждого из них вообще и на особенности работы в качестве директоров Антирелигиозного музея, в частности. В работе предпринимаются попытки объяснить траекторию биографий Л.Н. Финна и С.С. Терехова с учетом исторического контекста и его влияния.

Ключевые слова: СССР, музеи, религиозная политика, антирелигиозная пропаганда, атеистическое воспитание, атеизм, Исаакиевский собор, Ленинград, Л.Н. Финн, С.С. Терехов, биографии.

V.G. Ananiev, O.B. Vakhromeeva

The First Two Directors of the Anti-Religious Museum in the St. Isaac's Cathedral: Trajectory of Lives Before, During and After Cultural Revolution

Vitaly Ananiev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.g.ananiev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7419-6339; Researcher ID J-2692-2013

Oxana Vakhromeeva, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: voxana2006@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9936-3159

Abstract. In this article, the authors attempt to reconstruct the biographies of the two first directors of the Leningrad State Anti-Religious Museum, opened in 1931 in St Isaac's Cathedral in Leningrad. The data presented in this paper is, on the one hand, important for a better understanding of one of the understudied subjects in the history of the museum. It allows one to contextualise this story more accurately within the larger history of the epoch. On the other hand, it also has a broader scholarly significance. A museum is not only a keeper of artefacts of past culture, but also an individual artefact of its own culture. Analysing its history allows one to understand better the circumstances of the place and time of its functioning. The article draws on materials from several St. Petersburg archives, namely the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg, and the Scientific Archive of the Russian Academy of Arts. Almost all of them are introduced into the academic circuit for the first time. The authors show that for both Lev Finn and Sergei Terekhov their work in the museum was a rather brief episode of their professional life. The article attempts to reconstruct their careers. An attempt is made to explain their trajectory.

Keywords: USSR, museums, religious policy, anti-religious propaganda, atheistic education, atheism, St. Isaac's Cathedral, Leningrad, Lev Finn, Sergei Terekhov, biographies.

Музей способен многое рассказать не только о том обществе, артефакты которого он хранит, изучает и популяризирует, но и о том, для которого он выполняет эти свои базовые функции¹. В этом смысле потенциал истории музейного дела чрезвычайно велик и все еще не до конца оценен специалистами в области «большой истории». Одним из наименее разработанных вопросов в данном контексте является вопрос о кадрах музейных работников, который может рассматриваться через призму многочисленных подходов, предлагаемых современной биографикой. Какие-то из них подразумевают коллективные биографии в духе просопографии, в рамках которых жизненные траектории сводятся к общим моделям (типичный музейный директор, типичный хранитель, и т.д.), а другие — уникальные истории, представляющие «казусы», несводимые к неким обобщениям и ценные именно своей уникальностью. В данной статье предпринимается попытка выдержать условный средний путь, представив биографии двух первых директоров Антирелигиозного музея, открытого в 1931 г. в ленинградском Исаакиевском соборе, с одной стороны, уникальные в своей неповторимости, а с другой — все же являющиеся свидетельствами определенного момента советской истории. В этой связи собственно музейная деятельность главных героев будет нас интересовать в гораздо меньшей степени, чем тот путь, который привел их к руководству музеем, и тот путь, которым они шли дальше в своей профессиональной деятельности после недолгого периода директорства. В основе

¹ О музее как артефакте «своей культуры» см.: Сапанжа О.С. Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2011.

статьи — материалы ряда архивов Петербурга (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, Научный архив Российской академии художеств), большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Коротко характеризуя контекст той самой директорской работы, которая и стала точкой пересечения двух рассматриваемых биографий, отметим следующее. На рубеже 1920—1930-х годов в СССР на государственном уровне начался процесс активного обращения к музеям как инструментам культурной революции. Выдвигались лозунги отказа от безыдейного вещизма, активизации пропаганды музейными средствами материалистического мировоззрения и коммунистической идеологии. Предпринимались попытки «перевода» музейного дела на новые идеологические рельсы. Актуальной оказалась и проблема кадров, которые могли бы осуществить на практике этот перевод. Важное место в текущей повестке музеев практически всех профилей занимала антирелигиозная пропаганда. Одним из наиболее сложных вопросов стал вопрос разработки принципов деятельности антирелигиозных музеев, в разрешении которого по вполне понятным причинам отсутствовала возможность опереться на исторический опыт. Нерешенной продолжала оставаться и проблема профессионализации музейной деятельности. Отдельные эксперименты в этом отношении, предпринимавшиеся с первых лет революции, как правило, оказывались недолгими и значительных результатов не давали. Таким образом, проблема оказывалась весьма многоаспектной. С одной стороны, очевидна была потребность государства в пропаганде атеистического мировоззрения музейными (т.е. визуальными, что было важно в условиях массовой неграмотности) средствами. Это могло бы стать важным элементом культурной революции. С другой стороны, отсутствовали как исторические образцы, на которые можно было бы опереться в деле реализации этой задачи на практике, так и профессиональные кадры, которым можно было доверить соответствующую работу. Теоретические или методологические основания музейной работы также еще не были разработаны в силу того, что сама музеология проходила в это время эмпирически-описательную стадию развития и не предполагала широкого распространения абстрактного концептуализирования. Тем интереснее кажется посмотреть, какие попытки решения создавшейся проблемы предпринимались, по крайней мере, на уровне подбора руководящих кадров. Рассмотрим пример первых лет существования Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе.

В 1927 г. было принято решение закрыть для богослужений крупнейший собор Ленинграда — Исаакиевский и организовать в его помещении музей. Первоначальный проект архитектурно-строительного или архитектурно-художественного музея с исторически ориентированной экспозицией вскоре был отвергнут, и при активном участии Союза воинствующих безбожников (СВБ) в здании собора началась организация антирелигиозного музея. Его центральным экспонатом стал маятник Фуко, опыт с которым доказывал вращение Земли². Для выполнения этой ответственной миссии нужен был и соответствующий подбор кадров. Постараемся проследить жизненные траектории двух первых директоров этого музея. Возможно, это будет полезным не только для устранения белого пятна в истории все еще существующего музея, но и для понимания более общих закономерностей, связанных с конкретными путями реализации культурной революции в СССР.

К сожалению, биография первого директора музея Льва Николаевича Финна все еще не стала предметом специального исследования. По каким-то причинам А.В. Голованова, посвятившая статью «руководителям» Исаакиевского собора и «их роли в жизни музея XX в.», оставила без внимания довольно обширный материал по биографии Л.Н. Финна,

² Подробнее см.: *Любезников О.А.* Исаакиевский собор в 1917—1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017. С. 51—59.

отложившийся в фондах ЦГАИПД СПб, ограничившись отправкой в архив запроса и приведя в статье краткие выдержки из полученного ответа³. Почему-то не обращают внимания на его личность и другие авторы, затрагивавшие в монографических статьях биографии его преемников⁴. Хотя судьба первого директора музея в Исаакиевском соборе представляет собой яркую и определенно даже трагическую историю человека, оказавшегося в начале 1930-х годов вовлеченным в созидание нового музейного ландшафта Ленинграда.

Во второй половине 1930-х годов Финн так вспоминал свои детство и молодость: «Дед мой был уездным врачом в Вязьме. Отец и мать провинциальные актеры, причем мать больше работала суфлером. В 1913 г., когда мне было 10 лет, мать умерла от скоротечной чахотки (профессиональная болезнь суфлеров), а отец, бросив нас на попечение бабки (мать моей матери), уехал в Полтаву, где через 6 месяцев застрелился. Еще до его смерти бабка сошла с ума и была отправлена в больницу, а за нас ребят (нас осталось 4 человека) вступились окружающие знакомые. В результате все мы были распределены по рукам... я и сестра около года жили у тетки, после чего я был отдан на воспитание в детский дом (Гатчино, Сиротский институт). В 1918 году, на пятом году обучения, из детдома я ушел. Около года бродяжил, а в начале 1919 года в г. Саратове на вокзале я заболел тифом и попал в 316 полковой запасной госпиталь. Выздоровев, я по предложению комиссара госпиталя остался в госпитале работать (идти было все равно некуда), где и был определен библиотекарем. Отсюда я был направлен в Ленинград в военно-инженерную школу, но по состоянию здоровья и слабой подготовке принят не был, а был послан в 11 запасной полк. Вплоть до 1929 года я служил в рядах РККА... В октябре 1929 года я по состоянию здоровья из армии был демобилизован и приехал в Ленинград, где и работал»⁵. За этими строками стояла трагическая и в то же время во многом обычная судьба тех, кто, родившись в начале века в непривилегированной среде (ср. его слова из той же биографии: «Жили мы в детстве впроголодь. Жили на Обводном канале, всегда вращаясь среди рабочей детворы»⁶), встретил революционные годы на пороге юности. В партию он вступил (с его слов) еще в 1919 г., но во время переписи 1921 г. был механически исключен (так как не дал объявления в газете об утрате партбилета) и повторно принят только в комсомол. Вновь членом партии его утвердили лишь в 1924 г.⁷ Учеба у юноши, чьи познания ограничивались курсом Сиротского института, не шла. Недолго он учился на клубном отделении Толмачевского университета, в Институте внешкольного образования, в Технически-артиллерийской школе, в Ленинградской окружной военно-партийной школе им. Энгельса⁸. Служба в Красной армии оставалась единственным выходом, но здесь он продвигался исключительно по линии клубного дела.

Сохранилась характеристика, данная 16 октября 1924 г. начальником армейского клуба на заведующего библиотекой Финна, вероятно, подготовленная при его повторном вступлении в партию. В ней непосредственный начальник отмечал, что молодой библиотекарь «под руководством мог вести любую возложенную на него задачу, правда, он

³ См.: Голованова А.В. Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Вып. XI. СПб., 2013. С. 42–43.

⁴ См., например: Медвинский Д.Ю. Руководители Государственного антирелигиозного музея И.М. Штрейхер и Е.И. Востоков: страницы биографии // Кафедра. Вып. XXXI. Ч. 1. СПб., 2022. С. 106–123. Впрочем, для этой публикации характерны такие нарушения базовых принципов критики источников и тенденциозная их трактовка, что она едва ли может считаться научным исследованием. Подробнее об этом см.: Ананьев В.Г. О том, как нобелевский лауреат, нештатный экскурсовод да вдова Ленина профиль антирелигиозного музея меняли и что из этого вышло // Михайловская Пушкиниана. Вып. 97. Сельцо Михайловское, 2023. С. 211–217.

⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333. Л. 26–27.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 130333/а. Л. 9–12 об.

немного слабохарактерен, но все-таки теми или иными путями он работу доводил до конца. На политпросветработе работает больше 5 лет, переутомлен, поэтому иногда бывает вспыльчив, но с известным к нему подходом всегда это проходило, не отражаясь на работе. Пристрастия ни к чему не имеет»⁹. Более того, у него «имеется хорошая черта, тем что ко всем заданиям он относился сознательно, правильно умел разграничить работу, в работе усидчив». В итоге начальник признавал, что Финн «может быть начальником клуба, если бы был решительнее и не слабохарактерен, так как клубную работу он вполне уясняет, вполне ясно представляет также стоящие задачи перед клубом»¹⁰.

Вот такой работник в свои 26 лет и с опытом армейской клубной деятельности осенью 1929 г. оказался на культфронте в Ленинграде. С музейным делом его ничего не связывало. А.В. Голованова почему-то пишет, будто «перед назначением [в музей] он занимал должность политрука в РККАиФ»¹¹, что не совсем так. Если бы директором антирелигиозного музея Ленинграда назначили молодого политрука из армии, это было бы все же странно. Как следует из материалов архивного дела Финна, прибыв в Ленинград, в 1929 г. он стал директором Дома антирелигиозного просвещения¹² и занимал эту должность вплоть до 1932 г., а с 1930 г. параллельно с этим был еще и директором Антирелигиозного музея¹³. Такое соседство станет вполне понятным, если посмотреть, как именно обозначен музей в Исаакиевском соборе в данном документе из дела Финна. Там сказано: «Директор Государственного антирелигиозного музея (комбината) в Ленинграде»¹⁴. На Первом всероссийском музейном съезде 1930 г. была выдвинута идея трансформации советских музеев из «хранилищ кунсткамерного типа» в «политпросветкомбинаты». Одним из первых примеров такого комбината, открытого еще до начала съезда, и должен был, вероятно, стать Антирелигиозный музей в Ленинграде, объединявший, собственно, музей, Дом антирелигиозной пропаганды и, например, театр «Атеист», частью которого являлись «живогазетная группа по обслуживанию обеденных перерывов и театральная мастерская», а также хоровой и музыкальный кружки. При Доме безбожника (антирелигиозной пропаганды) планировалось организовать «безбожниковский кружок, семинарий по повышению квалификации лекторов, семинарий по подготовке экскурсоводов для антирелигиозного музея и курсы для отпускников красноармейцев и краснофлотцев, уезжающих в деревню»¹⁵. Как отмечал в газетной заметке молодой директор учреждения: «Окрепнув за год, получив опыт, значительно расширившись, объединившись с Ленинградским государственным антирелигиозным музеем, Дом имеет все предпосылки для широкого развертывания своей работы»¹⁶.

Итак, первым директором музея (после его превращения в часть комбината) стал молодой партийный директор Дома антирелигиозной пропаганды, с хорошими характеристиками, без партийных взысканий, не имевший «пристрастий ни к чему» и с десятилетним опытом политпросветработы в армии. Все было вполне логично. Вероятно, для подстраховки по музейным вопросам (о которых новый директор, конечно, ничего не знал) его заместителем назначили бывшего директора Ленинградского антирелигиозного музея экскурсионно-лекторской базы (с 1927 г.) Николая Михайловича Трошина¹⁷.

⁹ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁰ Там же. Л. 3–4.

¹¹ Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

¹² В одном из документов указано прямо: «Приехав в Ленинград, был направлен в ЛенОблоно для организации Ленинградского областного дома антирелигиозного просвещения». См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 421387. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 130333/а. Л. 20 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Финн. К предстоящей работе Ленинградского областного дома безбожника // Безбожник. 1930. № 52 (410). С. 6. Публикация указана А.Н. Некрасовой, которой я искренне признателен.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Некрасова А.Н. Вера в разум. Антирелигиозный музей в Ленинграде как проект эпохи модерна // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 87–88, прим. 49.

Фонды именно этого музея и стали основой собрания музея, открытого в 1931 г. в Исаакиевском соборе.

Именно при Финне, таким образом, и была предпринята первая попытка развернуть антирелигиозную экспозицию в здании бывшего кафедрального собора. Попытка получила неоднозначную оценку современников, и вскоре после открытия музея в журнале «Антирелигиозник» появилась довольно критическая статья некоего «К.», в которой отмечались многочисленные недочеты организации и подбора преимущественно плоскостного материала, составлявшего большую часть экспонатов¹⁸. В любом случае работа Финна в музее продлилась не слишком долго.

Уже осенью 1932 г. директор музея Л.Н. Финн и ученый секретарь Г.Н. Архипов были освобождены от занимаемых ими должностей. 16 сентября 1932 г. директор получил выговор от уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Ю.Н. Никича за несогласованное с ним снятие крестов со здания собора¹⁹, а 9 октября в Политпросветцентр Ленинграда из сектора науки Наркомпроса было направлено письмо, в котором сообщалось, что «на основании выводов бригады, обследовавшей Центральный антирелигиозный музей в Ленинграде, сектор науки находит нужным снять с работы директора музея тов. Финна и ученого секретаря тов. Архипова. Просьба сообщить Вашу точку зрения по поводу снятия с работы указанных лиц»²⁰. Точка зрения, судя по всему, совпадала с мнением московского начальства. Кадровые решения были приняты.

Уже 15 октября 1932 г. Финна направили в распоряжение Тихвинского райкома ВКП(б) на должность начальника работ на тихвинских бокситах по линии Совстроя²¹. На этом его музейная деятельность закончилась. Начался новый этап в биографии. Впрочем, и руководство добычей бокситов продлилось недолго.

В том же 1932 г. он становится директором политпросветтехникума в Кириллове (Вологодская область), а с 1934 г. заведует курсовой сетью при управлении Мурманской железной дорогой в Петрозаводске²². Более того, в 1934 г. не без трудностей он добивается возможности получить направление в аспирантуру Ленинградского отделения Института красной профессуры, пишет вступительное сочинение на тему «Пережитки капитализма в экономике и сознании людей», которое оценивается как удовлетворительное, и начинает учебу, хотя длится она и недолго. Уже в октябре 1935 г. аспиранта Финна отчислили с пометкой в деле «не выполнил академических требований»²³. Последнее не кажется странным, так как в это время в его жизни происходят довольно драматичные события, явно отодвинувшие на второй план написание диссертации.

7 марта 1935 г. «[к]ак двурушник, сочувствующий зиновьевской контрреволюционной оппозиции, идеализирующий вождей контрреволюционной зиновьевской группы и возведший поклеп на ленинградскую партийную организацию»²⁴, он был исключен из партии. Более того, последовал даже арест, который, однако, продлился совсем недолго²⁵. Вскоре Финна не просто освободили, но и восстановили в партии (хотя и с выговором), так как связи его с оппозицией не получили подтверждения²⁶. Судя по его показаниям, донос на него написала коллега из петрозаводского техникума, с которой у него из-за столкновения зон профессионального влияния в коллективе возникли неприязненные

¹⁸ К. По Исаакиевскому собору // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 89–92.

¹⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 9. Оп. 2. Д. 1. Л. 106–107.

²⁰ Там же. Л. 58. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется. Впервые цит. в: Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333/а. Л. 19 об.

²² Там же. Л. 20 об.

²³ Там же. Д. 421387. Л. 3–3 об. Вступительная работа: Там же. Л. 11–40.

²⁴ Там же. Д. 521510. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 130333/б. Л. 18.

²⁶ Там же. Д. 521510. Л. 1.

личные отношения. В опросе по данному делу он также указал: «В феврале месяце 1935 г. я был в Ленинграде в служебной командировке (вызывали в отдел по подготовке кадров, но по какому вопросу я не помню). В Ленинграде узнал, что Маторин, Глебов-Путиловский и другие сняты с работы (а Маторин и арестован) за оппозиционную деятельность»²⁷. Вернувшись в Петрозаводск, он упомянул об этом в разговоре с коллегой, припомнив и то влияние, которым Зиновьев пользовался в ленинградской партийной организации 1925–1927 гг. Результаты беседы, в которой, по словам коллеги, Финн «назвал Маторина и других оппозиционеров своими друзьями»²⁸, были описаны выше.

В словах Финна, возможно, следует обратить внимание на вызов в начале 1935 г. в Ленинград по делу, сути которого в столь важный момент он припомнить не смог. После освобождения из-под ареста и восстановления в партии Финн возвратился на работу именно в Ленинград. Он получил место в штате Дворца культуры им. А.М. Горького (инструктор по подготовке культкадров, организатор антирелигиозной пропаганды)²⁹, а параллельно в качестве общественной нагрузки стал председателем Кировского райсовета Союза воинствующих безбожников³⁰. Но и здесь дела сложились весьма драматично. 28 августа 1936 г. Кировский райком ВКП(б) вновь исключил его из партии, на этот раз за клевету на ленинградскую парторганизацию, сокрытие от партии своего социального происхождения и как не вызывающего доверия партии (связь с контрреволюционером Маториным)³¹.

Одно обвинение было связано с принадлежностью отца к дворянскому сословию, которое Финн якобы скрывал. Признавая возможность того, что отец мог быть дворянином, он подчеркивал, что как воспитывавшийся вне семьи с раннего детства знать об этом просто не мог. Этому вполне можно поверить, хотя вопрос о дворянстве нуждается в дополнительной проверке.

В адресных книгах Санкт-Петербурга за 1903 (год рождения Льва) — 1913 (год смерти отца в Полтаве) годы действительно упоминается некий Николай Павлович Финн, дворянин. Отсутствие указаний на профессию, военный или гражданский чин вполне подходит «провинциальному актеру». Государственная служба у Николая Павловича явно не задалась. Адрес за 10 лет менялся шесть раз, вероятно, все это были съемные квартиры, причем все время не в самых престижных районах³². Последние адреса (1912 и 1913 гг.) действительно располагались неподалеку от Обводного канала (Можайская, 18 и Серпуховская, 48)³³, как и вспоминал впоследствии Финн. В книге за 1914 г. Н.П. Финн уже не значится.

Вполне возможно, что адресные книги и стали основным источником для прозвучавших обвинений в укрывательстве социального положения отца. Личное дворянство для человека без профессии или чина кажется совсем маловероятным. За какие заслуги оно могло бы быть дано? Скорее, речь шла о наследственном. Убедиться в этом позволяет сохранившееся студенческое дело Н.П. Финна³⁴. Дело в том, что в 1888 г. он попытался поступить в Горный институт, где с разной степенью успешности учился вплоть до 1892 г., когда по собственному желанию обучение прекратил³⁵. Уже фотография выдает

²⁷ Там же. Д. 130333. Л. 34.

²⁸ Там же. Д. 130333/6. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 24 об.; Там же. Д. 130333. Л. 19, 33.

³⁰ Там же. Д. 130333/6. Л. 25.

³¹ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

³² Волковская, Цветочная, Боровая, Софийская, Можайская, Серпуховская улицы. См.: Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1903. С. 690 (далее приводятся ссылки на это же издание с указанием только года), 1904 (с. 682), 1905 (с. 674), 1906 (с. 691), 1907 (с. 741), 1908 (с. 789), 1909 (с. 824), 1910 (884), 1911 (с. 932), 1912 (с. 940), 1913 (с. 662).

³³ 1912 (с. 940), 1913 (с. 662).

³⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 10160.

³⁵ Там же. Л. 33.

определенное сходство с известным нам внешним обликом Л.Н. Финна³⁶. Но гораздо более убедительны два других аргумента. Во-первых, в выданном будущему студенту свидетельстве Вяземского уездного полицейского управления указано, что происходит он из дворян³⁷. Во-вторых, ходатайство его матери на имя руководства Горного института подписано — «от жены статского советника, доктора медицины»³⁸. Как помним, сам Финн указывал, что дед его работал земским врачом в Вязьме. Оттуда же родом был и Н.П. Финн (на каникулы институт ежегодно направлял его к родственникам в Вязьму)³⁹, и его отец был врачом. Можно признать, что Н.П. Финн и являлся отцом Льва Николаевича, происходил из дворян, а его отец (дед Льва) был не только земским врачом, но и статским советником. В это время чин статского советника уже не давал права на потомственное дворянство, так что, надо полагать, отец Павла и сам происходил из дворянской семьи. Следовательно, первое обвинение отчасти соответствовало истине, Финн действительно был сыном потомственного дворянина, хотя, вполне возможно, что к десяти годам, когда он попал в Сиротский институт, факт этот и не слишком прочно отпечатался в его памяти.

Два других обвинения (за клевету на ленинградскую парторганизацию и связи с маторинцами) он полностью отрицал и настойчиво во всех объяснительных просил разбиравшие дело инстанции обратиться за разъяснениями к конкретным лицам по конкретным служебным телефонам⁴⁰. Этого почему-то не сделали. Более того, 3 октября 1936 г. решение райкома подтвердила партколлегия при Уполномоченном комиссии партийного контроля (УКПК) по Ленобласти⁴¹. Финн, несколько месяцев оставшийся без работы, настойчиво требовал не только пересмотра дела, но и предоставления ему нового места работы. Поведение для обвиненного в связях с контрреволюционерами и оппозицией весьма смелое. Наконец, новое место работы было получено (причем переговоры относительно него велись не официальным путем, а прямыми разъяснениями в ходе телефонных разговоров и личных встреч). Финн отбыл в Волосово (недалеко от известной ему по учебе в детские годы Гатчины) руководить там Детским домом им. Третьего интернационала⁴². Но когда и волосовские товарищи стали проявлять обеспокоенность прошлым нового директора и писать в Ленинград с просьбой разъяснить, правда ли, что тот является зиновьевцем, исключенным из партии за связи с контрреволюционерами, Лев Николаевич не выдержал.

8 декабря 1936 г. он написал в партколлегию при УКПК длинное письмо, в котором рассказывал, как же все было на самом деле: «В середине 1935 г., — писал Финн, — меня попросили в партотделе НКВД помочь в разоблачении “маторинщины” в Леноблсовете СВБ. С этой целью ими же я был направлен на работу в Облсовет СВБ. Именно мною и был передан в партийный отдел НКВД большой материал о контрреволюционной деятельности целой группы “маторинцев”. Помимо этого, мною была написана большая статья в “Ленинградскую правду” (копия ее также была мною передана в органы НКВД), но, к сожалению, помещена она [там] не была. Обо всем этом по совершенно понятным причинам болтать везде не мог. Не разрешено мне было говорить об этом и на бюро Кировского райкома»⁴³. Не с этим ли было связано приглашение его в Ленинград из Петрозаводска в начале 1935 г., во время которого он и узнал об аресте Н.М. Маторина и снятии с должности тогдашнего (третьего по счету) директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе Н.Н. Глебова-Путиловского? Тогда понятно, почему Финн в опросе 1935 г. не смог «припомнить» и причину вызова.

³⁶ Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 12 и др.

⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 130333. Л. 26–28.

⁴¹ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

⁴² Там же. Д. 130333/б. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 25 об.

Чуть позже, в январе 1937 г. он писал об этом же председателю партийной тройки ЦК ВКП (б) уже безо всяких экивоков вроде «попросили» и «помочь»: «Работал в то время секретным сотрудником секретно-политического отдела НКВД г. Ленинграда, был направлен органами НКВД работать в одну контрреволюционную организацию (Ленинградский совет СВБ), которая по моим материалам и была раскрыта и разоблачена. Попутно с этим мною был дан в органы НКВД ряд разоблачительных материалов и о другой организации (Кировский райком ВКП(б)). Наряду с этим, я открыто выступал против ряда антисоветски настроенных работников, близких к руководящим работникам Кировского райкома ВКП(б)»⁴⁴. По оговору последних, при участии бывшего секретаря райкома т. Мартынова и произошло исключение из партии. Что же происходит далее? 23 октября 1937 г. та же самая партколлегия при УПК по Ленобласти, которая за год до того подтвердила решение об исключении Финна из партии, теперь, ввиду того что выдвинутые обвинения не подтвердились, решения эти отменила и восстановила директора детского дома в партии⁴⁵. Справедливость восторжествовала, хотя и не совсем. Как следует из письма Финна А.А. Жданову, датированного августом 1938 г., партбилет ему к тому моменту все еще не вернули⁴⁶. Чуть позже, судя по всему, эта недоработка была исправлена.

Кажется, Финн избежал репрессий, но и его судьба сложилась трагически, а жизнь вскором времени оборвалась. На карточках с библиографическим описанием его немногочисленных печатных работ начала 1930-х годов из генерального каталога Российской национальной библиотеки проставлены даты жизни: 1903–1943⁴⁷. Эту дату смерти подтверждают данные недавно обнародованных документов военного времени. Интендант 3 ранга Л.Н. Финн погиб в начале февраля 1943 г. на Сиявинских высотах⁴⁸. Начав свою трудовую деятельность в Красной армии, в ней же ее он и закончил. Так сложилась жизнь первого директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе.

Кто же стал его преемником? Сразу следует отметить, что ему в литературе оказалось уделено еще меньше внимания, чем первому директору. А.В. Голованова кратко отметила: «Новый директор Сергей Сергеевич Терехов в конце 1932 года упразднил деятельность технико-художественной комиссии и должность постоянного архитектора. При нем, несмотря на ухудшающееся состояние собора, никаких капитальных работ по ремонту здания не производилось»⁴⁹. Ей не удалось выявить никаких сведений о его биографии. Основным источником материалов для нее и здесь стал ответ на запрос в ЦГАИПД СПб. Однако представляется, что внимательное обращение как к печатным, так и к архивным источникам позволяет реконструировать и его биографию. Она оказывается не менее интересной, чем биография его предшественника.

В адресных книгах Петрограда — Ленинграда с 1923 по 1935 г. встречается только один Сергей Сергеевич Терехов, проживавший все это время в одном и том же доме на улице Большая Зеленина Петроградской стороны. И если с 1924 по 1927 г. он указан без каких-либо уточнений относительно рода деятельности⁵⁰, то самое первое упоминание о нем в книге за 1923 г. весьма интересно. К концу 1922 г. (когда подавались сведения для адресной книги) он был народным следователем (с. 489). В 1928 г. род его деятельности указан как «член Ленинградского совета» (с. 542), а в 1929 и 1930 гг. — просто «юрист» (с. 568, 594).

⁴⁴ Там же. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Д. 130333/а. Л. 21.

⁴⁶ Там же. Л. 24–25.

⁴⁷ См., например: URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/132447/1 (дата обращения: 12.06.2023).

⁴⁸ См.: URL: <https://poisk.re/loss/orders/9415078> (дата обращения: 12.06.2022). Дана отсылка к материалам: Центральный архив Министерства обороны. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 99.

⁴⁹ Голованова А.В. Указ. соч. С. 43.

⁵⁰ Весь Ленинград на 1924 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1924. С. 266 (далее приводятся ссылки на это же издание с указанием только года), 1925 (с. 393), 1926 (с. 346), 1927 (с. 434).

Наконец, в книгах за 1931–1935 гг. Терехов значится уже как профессор (без указания места работы)⁵¹. И это довольно важно, так как позволяет, несмотря на довольно распространенные имя и фамилию, проследить биографию второго директора музея.

Вопросы вызывает уже то, на основании чего он настойчиво (почти навязчиво) именовал себя «профессор С.С. Терехов». Ученые звания в Советской России были упразднены в 1918 г. и начали восстанавливаться лишь в 1934 г.⁵² До этого момента профессором С.С. Терехов мог быть только по должности, но в адресных книгах Ленинграда за этот период и в музейных документах⁵³ красивое слово «профессор» используется без привязки к какому-либо учреждению. Сергею Сергеевичу явно нравилось говорить о себе как о просто профессоре.

В генеральном алфавитном каталоге книг на русском языке Российской национальной библиотеки, действительно, упоминаются печатные работы некоего Сергея Сергеевича Терехова, в описании которых рядом с именем составителя (даже не автора) от руки добавлено «профессор». В хронологической последовательности это: «За коммунистическую нравственность. Сборник лекций и статей» (Л., 1964. 223 с.), «Выдающиеся деятели мира о Владимире Ильиче Ленине. В помощь лекторам, докладчикам, агитаторам» (Л., 1967. 28 с.) и «Коммунистические партии и выдающиеся деятели мира о Владимире Ильиче Ленине» (2-е изд. Л., 1970. 32 с.)⁵⁴. Единственное упоминание имени «профессора С.С. Терехова», относящееся к публикациям довоенного времени, выявлено в выпущенном Издательством Ленинобло в 1936 г. сборнике «Пушкин в библиотеке», на титуле которого указано: «под редакцией и с предисловием проф. С.С. Терехова». Короткое предисловие пестрит трюизмами и не выходит за рамки общих мест. Написать такое мог человек с любой подготовкой. Для этого не нужно было быть пушкинистом.

В фонде контрольно-ревизионной комиссии областной организации КПСС в ЦГАИПД СПб также есть дело некоего Сергея Сергеевича Терехова (ф.и.о., как следует из коллекции личных дел членов партии того же архива, не такое и распространенное среди ленинградских партийцев), которое датировано 16 декабря 1955 – 12 июля 1956 г. и недоступно для исследователей как «содержащее конфиденциальную информацию»⁵⁵. Если предположить, что речь идет об одном и том же человеке, можно сделать некоторые умозаключения. Где-то в 1936 г. «профессор С.С. Терехов» занимал какой-то видный пост в Ленинобло или его издательстве. Возможно, был директором последнего, иначе неясно, почему именно его предисловие открывает явно подготовленный к юбилею 1937 г. сборник методических материалов по пушкиниане. «Предметником» автор текста явно не был, неизвестны и другие его публикации по теме. Затем он пропадает почти на 20 лет и в конце 1956 г. появляется вновь. Не исключено, что Терехов был репрессирован и добивался реабилитации. Вероятно также, что получил ее и продолжил работу по той же линии политпросветработы и агитации, готовя в 1960-е – начале 1970-х годов материалы для лекторов по «вечно» актуальным темам ленинианы и коммунистической нравственности.

Приведенные выше данные позволили при обращении к архивным материалам выявить достаточно полные сведения о биографии второго директора музея за довоенный период. Оказалось, что руководство музеем было таким кратким эпизодом в его насыщенной профессиональной деятельности, что упоминания о нем содержатся отнюдь не во всех архивных делах, фиксирующих основные факты биографии Терехова. Вместе с тем сомнений в том, что это один и тот же персонаж, как будет показано далее, нет.

⁵¹ 1931 (с. 461), 1933 (с. 375), 1934 (с. 393), 1935 (с. 401). Книга 1932 г. алфавитный список жителей не включала.

⁵² Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

⁵³ См., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 2. Д. 1. Л. 84.

⁵⁴ См.: URL: https://nlr.ru/e-case3/sc2.php/web_gak/lc/98179/75#pict (дата обращения: 30.05.2023).

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 12. Д. 1321.

Сергей Сергеевич Терехов родился в Санкт-Петербурге в 1897 г. В анкетах он по-разному указывал свое социальное происхождение. В начале 1920-х годов обозначал себя как «трудового интеллигента», затем как «сына служащего»⁵⁶. Позже, когда скрывать правду стало все более и более опасно, приходилось писать прямо — «из дворян». Но и здесь Сергей Сергеевич умел представить информацию самым выгодным для себя образом. Так, например, в автобиографии 1933 г. он указал: «При царизме последняя должность моего отца — казначей первого корпуса на фронте». Это было правдой, потому что падение царизма застало его отца в армии, куда его мобилизовали в ходе Первой мировой войны. Но то, из какой именно социальной среды — оказывалось отнесенным на задний план. Это определялось общей фразой «мелкая чиновничья среда»⁵⁷. На самом деле, как следует из адресной книги Санкт-Петербурга за 1913 г., Сергей Терехов-старший служил в канцелярии Министерства финансов и был надворным советником (с. 624). В книге за 1915 г. чиновник особых поручений Министерства финансов С.П. Терехов значится как статский советник (с. 648), а это уже подразумевает право на потомственное дворянство. Чиновничество не самое мелкое. О детстве Терехов вспоминал в анкетах весьма выборочно, подчеркивая многодетность семьи и «правильные» знакомства родителей. В 1931 г., например, он указывал: «Общественной работой я стал заниматься еще до революции в бытность в гимназии как воспитанник революционера Наумова, который в квартире моих родителей разрабатывал план покушения на Николая Романова»⁵⁸. Как бы то ни было, а после окончания гимназии молодой человек пошел не сразу в революцию, а все же сначала в университет, поступив на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Судя по всему, учеба продлилась всего два года, прерванная в 1916 г. призывом в армию.

Здесь Сергея Терехова определили на учебу в студенческую школу прапорщиков в Старом Петергофе. По окончании ее в офицеры, однако, произведен не был «за нарушение воинской дисциплины» и направлен унтер-офицером в часть. Как мы увидим далее, соблюдение дисциплины вообще не относилось к сильным сторонам нашего героя. На момент Февральской революции служил в чине прапорщика в первом запасном полку на Охте. «В день революции я был дежурным по полку. Я освободил арестованных и вместе с полком примкнул к революции», — вспоминал он в начале 1930-х годов⁵⁹. После этого как политически неблагонадежный направлен был в Юрьев, где активной деятельности не прекратил. 3—5 июня 1917 г. организовал там выступления рабочих и «совместно с прапорщиком Сахаровым организовал в запасном полку движение за установление советской власти»⁶⁰. Затем новый поворот: «На фронте я заболел, был эвакуирован в Петроград на излечение в Николаевский военный госпиталь, где и проболел до Октябрьской революции»⁶¹. Ее он воспринял с еще большим энтузиазмом. В начале 1918 г. вступил в партию⁶². Вскоре Терехов уже стал помощником командира роты отряда Красной армии Кексгольма, затем председателем политотдела Красной армии Адмиралтейского района Петрограда, председателем хозяйственного комитета Красной армии того же района, ответственным наблюдающим за действиями частей управления Красной армии, председателем комиссии по выборам в совет депутатов, командиром «железного»

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об. Возможно, имеется в виду сын начальника Петергофской дворцовой почтовой конторы В.А. Наумов, вовлеченный в так называемое «дело лейтенанта Б.Н. Никитенко» 1906—1907 гг., действительно включавшее планы царевубийства. См.: Варфоломеев Ю.В. Дело лейтенанта Б.Н. Никитенко: покушение на царевубийство в 1907 г. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 94—105.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 11.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

батальона защиты пролетарской революции, командиром особого отряда, инструктором первого железного полка защиты пролетарской революции, участвовал в подавлении крестьянского выступления в Новгородской губернии, в июле 1918 г. ему объявили благодарность «за отличную культпросветработу и умелое изъятие из библиотеки буржуазной литературы»⁶³. К тому же году относится и следующее свидетельство автобиографии: «Военным комиссаром Б.П. Позерном я был назначен командиром особого отряда и вывез из Петрограда в Чудово соответствующее имущество»⁶⁴. Возможно, это знакомство сыграет свою роль в дальнейшем, так как Б.П. Позерн с 1925 г. и вплоть до ареста в 1938 г. будет занимать ряд ответственных постов в системе ленинградской номенклатуры, имея тем самым возможность способствовать возобновлению карьеры старого знакомого. А карьера эта, как увидим далее, будет очень часто нуждаться в реанимации.

В 1919 г. Терехов являлся председателем следственной комиссии запасных войск Петроградского военного округа и клуба «Пролеткульт», но в мае того же года его командировали в распоряжение ЦК Компартии Украины. Там он сначала комиссар центрального агитационно-инструкторского управления Украинской республики, в августе 1919 г. — начальник агитотдела в Киеве, участвовал в кампании против Петлюры, в августе же 1919 г. во время эвакуации советского правительства вновь направлен в Петроград, где становится заместителем командующего комотряда при ЦК РКП(б)⁶⁵. Участвовал в кампании против Юденича: «В связи с ликвидацией Юденического нашествия я был дважды награжден часами от Петроградского совета»⁶⁶. В октябре он комендант Гатчины, начальник Гатчинского гарнизона. Комитетом партии в феврале 1920 г. переведен на флот начальником политпросвета Петроморбазы. Член Петросовета. В 1921 г. — начальник политпросвета Берегового укрепленного района, исполнял обязанности начальника политотдела. Член конференции Балтфлота. Командир Кронштадтского батальона в марте 1921 г. Участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, которое в материалах начала 1930-х годов описывал очень красочно⁶⁷. Напротив соответствующего места в его автобиографии 1933 г. кем-то из ответственных читателей даже был поставлен знак вопроса⁶⁸.

После этих событий его жизнь на несколько месяцев входит в более спокойное русло: он руководит политпросветчастью флотских домов отдыха, возглавляет флотский же школьно-художественный отдел, состоит в комиссии по ликвидации неграмотности на флоте⁶⁹.

В 1922 г. (закончив в этом же году правовое отделение факультета общественных наук Петроградского государственного университета)⁷⁰ Терехов стал помощником начальника Детскосельской уездной милиции по политчасти⁷¹. И здесь начинается то, что станет впоследствии подлинным лейтмотивом всей его дальнейшей деятельности.

Уже через несколько месяцев на новом месте его снимают с работы за «дезорганизацию», привлекают конфликтную комиссию⁷², направляют на рядовую работу⁷³, но Сергей Сергеевич в ближайшее же время как ни в чем не бывало вновь оказывается на руководящих должностях. Впрочем, ненадолго.

Служба в милиции продлилась меньше полугода. В мае 1922 г. с флота Терехова направили в губком, а уже 5 октября того же года принимается решение о переводе его в

⁶³ Там же. Л. 12.

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 12.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 12—12 об.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 13.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 12 об.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 14.

⁶⁹ Научный архив Российской академии художеств (далее — НА РАХ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/к. Л. 1. Студенческое дело ни довоенного периода, ни послевоенного времени обнаружить пока не удалось. В личном деле из НА РАХ указана другая дата завершения обучения — 12 июня 1923 г., удостоверение № 745. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 11а.

⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/е. Л. 7.

⁷² Там же. Л. 22.

⁷³ Там же. Д. 269388/а. Л. 5, 8.

другое место на рядовую работу⁷⁴. Между этими решениями — не только бюрократическое перемещение с должности на должность, но и драматические события, достойные пера писателя: в августе 1922 г. помощника начальника политсекретариата Терехова назначили помощником начальника Детскосельской уездной милиции по политчасти. Помимо выполнения своих основных функций, он проявлял повышенный интерес к постановке работы в губернской милиции как таковой и отправил в губком доклад на своего непосредственного начальника, извещая вышестоящие органы о том, что тот полностью развалил работу милиции⁷⁵. Вскоре после этого бюро райкома Центрального городского района приняло решение снять бдительного сотрудника с работы в милиции, в Детскосельский уезд не посылать, передать дело в районную конфликтную комиссию, констатируя «дезорганизацию действий тов. Терехова»⁷⁶.

В сентябре 1922 г. появляется первая из известных нам характеристик Терехова, в которой содержатся сведения, в скором времени превратившиеся в стандартные характеристики его профессиональной деятельности: «С первого дня своей службы в политсекретариате старался устроить в милиции своих родных и знакомых. ... Бюрократ в высшей степени (без доклада не входить). ... На службу являлся поздно и уходил рано. Первой заботой при его поступлении было получить себе обмундирование и достать себе лошадь с коляской. ... Пытался без моего ведома через комиссара резерва увезти к себе на квартиру пианино, но это ему не удалось, так как этот случай был своевременно замечен другими. ... По связям Терехова с личностями, разным офицерством и всем интеллигентским прогнившим миром личность его довольно загадочна»⁷⁷. И если сюжет с пианино кажется некоторым сгущением красок со стороны писавшего характеристику помощника начальника петгубмилиции по политчасти (все же сохранилась служебная записка, в которой Сергей Сергеевич просил выдать ему пианино во временное пользование, аргументируя это тем, что учится играть, а инструмента дома не имеет)⁷⁸, то остальные отмеченные черточки в скором времени составят уникальный «тереховский» стиль работы. Равно как верным будет и характеристика его личности как «довольно загадочной».

Загадочность проявлялась уже в кратком ответе на вопрос анкеты о пребывании за границей. Терехов отвечал на него так: «В 1922 г. был командирован за границу и возложенное на меня правительством поручение выполнил»⁷⁹. В другом месте конкретизируя: «В 1922 г. 2 месяца провел в Варшаве по поручению НКВД»⁸⁰. Что представляла собой эта миссия и имела она место до или после короткого эпизода с милицейской службой, сказать трудно. Возможно, с ней было как-то связано и то, что вместо отправки на рядовую политпросветработу в 1923 г. Терехов оказывается следователем в губернском суде⁸¹, а в 1924 г. — прокурором Балтфлота⁸². Но и эта служба длится недолго. Начинается то, что станет длинной чередой взысканий, выговоров и порицаний, в соответствии с которыми Сергей Сергеевич периодически даже выводился из рядов партии. Впрочем, практически всегда ненадолго.

В 1924 г. он получил свой первый выговор. С учетом его дальнейшей деятельности на посту директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе этот эпизод кажется

⁷⁴ Там же. Л. 4–5.

⁷⁵ Там же. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Д. 269388/е. Л. 7–8, 22.

⁷⁷ Там же. Л. 13–13 об.

⁷⁸ Там же. Д. 784208. Л. 29.

⁷⁹ Там же. Д. 269388/к. Л. 3 об.

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Возможно, с этим была связана и указанная в другом источнике служба в том же году в качестве члена комиссии по ревизии судебно-следственных органов Шлиссельбургского уезда. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/к. Л. 1 об. В другом источнике: помощник военного прокурора Балтфлота и Кронкрепости. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 9.

особенно интересным. 29 апреля 1924 г. народный следователь Терехов получил выговор за нетактичность и был снят с работы за грубость и невыдержанность. Обвинение, выдвинутое против него, звучало достаточно небанально: «Обвиняется в бюрократизме и наличии икон в квартире»⁸³. История разворачивалась следующим образом.

Некий т. Будько, с которым, судя по всему, у Терехова возник конфликт на почве организации домашнего самоуправления, «попросил» компетентные органы «помочь» Терехову «выселить икону» из спальни последнего. Объяснение, данное Тереховым, оказалось столь красноречивым, что нельзя не привести из него обширной цитаты: «Тов. Будько превосходно видел целую галерею портретов наших вождей, которыми убрана моя комната, и, если он сознательный товарищ, он должен был бы понять, что икона никак не совместима с этими портретами. И вывешена она была моей женой около ее кровати на зло мне. В тот день, когда я узнал об этом заявлении Будько, я, придя домой, специально посмотрел, висит эта икона или нет. Ее не было. Жена не знала об этом заявлении. Я долгое время ее искал и, наконец, обнаружил в ящике, где хранятся пустые бутылки. Надо сказать, что когда я въехал в эту квартиру, то застал ее увешанной всю грандиозными киотами с образами. Все мною сразу же было выброшено вон, а эта единственная маленькая икона каким-то образом осталась у жены. Я считаю необходимым заявить своим товарищам, что еще задолго до революции, когда я был еще наполовину бессознательным юношей, я не признавал уже бога. ...Я также категорически утверждаю, что за семилетнее сожителство со своей женой я не помню ни одного случая, когда бы видел, чтобы она молилась или ходила в церковь, несмотря на то что во многих других отношениях является весьма легкомысленной женщиной. Очень часто она вывешивает этот образ именно после ссоры со мною, назло мне, что могут подтвердить мои многие товарищи»⁸⁴.

Объяснения, судя по всему, услышаны не были. Следователь Терехов получил выговор и новое назначение... прокурором — сначала Балтфлота, а затем отправляется на должность военного прокурора Украины и Крыма. Но уже через несколько месяцев он снят и с этой должности за нетактичный поступок (сам впоследствии якобы говорил, что отказался уступить место в парикмахерской какому-то высокопоставленному партийному деятелю), и возвращается в Петроград⁸⁵. В 1926 г. он помощник губпрокурора Ленинградской области⁸⁶. Тут же получает строгий выговор за использование служебного положения, выразившееся в получении ордера на квартиру для бывшей жены (той самой «весьма легкомысленной женщины», с которой решил развестись перед отъездом на Украину), а «[к]роме этого неискренне отвечал на задаваемые вопросы контрольной комиссии»⁸⁷. Так заканчивается второй этап в трудовой биографии Терехова — начавшийся после службы в армии короткий период работы в правоохранительных органах. Постскриптумом к нему могут стать слова от 2 марта 1926 г., написанные в связи с очередным вызовом по вопросу о злополучном ордере на квартиру для бывшей жены: «Имея в виду исключительное расстройство моей нервной системы по первому делу, убедительно прошу меня больше не вызывать и дать мне возможность спокойно работать»⁸⁸.

Пожелания спокойной работы явно оказались тщетными, так как следующие два года работы закончились очередными взысканиями, на этот раз в форме строгого выговора в 1928 г. за поступок, недостойный звания члена ВКП(б)⁸⁹. Сергей Сергеевич вспомнил о своем юридическом образовании и после ухода из правоохранительных органов попытался реализовать полученные знания на практике. В 1926—1928 гг. он возглавлял

⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/д. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Л. 5.

⁸⁵ Там же. Д. 269388. Л. 5, 9.

⁸⁶ Там же. Д. 269388/к. Л. 1 об.

⁸⁷ Там же. Д. 269388. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Д. 269388/и. Л. 19 об.

⁸⁹ Там же. Д. 269388/з. Л. 4.

Государственный комитет помощи заключенным⁹⁰. Его работа здесь привлекла внимание советской печати, и в мае 1928 г. в одной из городских газет появился фельетон некоего «И. Ник.» под красноречивым заглавием «Комитетский брадобрей» о бюрократизме, протекционизме и злоупотреблениях главы комитета, а также о регулярных визитах к нему прямо на рабочее место цирюльника⁹¹. С комитетом тоже приходится распрощаться. Вскоре после этого Терехов уже стал членом правления промыслового кредитного товарищества «Промтовкредит», вызывавшего серьезные вопросы и сомнения у государственных органов как товарищество «дикое» и содержащее элементы лжекооперативности, «прикрывающееся авторитетом партийного руководителя»⁹². В итоге расследования деятельности товарищества контрольная комиссия в феврале 1928 г. обратилась с просьбой в организационно-инструкторский сектор райкома «привлечь к ответственности т. Терехова ...за работу в диком лжекооперативном товариществе без санкции соответствующей организации»⁹³. В итоге партийного члена правления «дикого треста» исключили из партии за ее дискредитацию, использование своего служебного положения и протекционизм. Исключение вскоре заменили на строгий выговор, но с запретом в течение двух лет занимать ответственные должности и рекомендацией отправить на массовую работу⁹⁴. Это была не первая попытка направить Сергея Сергеевича туда. Как и предыдущая, закончилась она не слишком удачно.

В конце 1928 — начале 1929 г., словно бы почувствовав что-то неладное, Ленинградская контрольная комиссия запросила у Петроградского райкома подтверждений того, как выполняется запрет для т. Терехова на работу на ответственных должностях руководителя. Райком после длительной затяжки с ответом, вызвавшей неудовольствие комиссии, сообщил, что решение в жизнь проведено не полностью и опальный партиец трудится не кем-нибудь, а заведующим школой. Более того, он просит оставить его на этой должности до конца учебного года, дабы завершить начатые дела. Комиссия согласилась на эту отсрочку⁹⁵. Дальнейшее легко себе представить. Уже в апреле 1929 г. контрольная комиссия вновь слушала дело Терехова и постановила за ложь и пьянство исключить его из партии. В октябре того же года в партии он восстановлен⁹⁶, но вновь получил выговор. На этот раз за то, что, «будучи заведующим 186 школой, допустил распитие педагогами спиртных напитков на вечере спайки в школе и сам выпивал вместе с ними, выписывая педагогам зарплату больше, чем полагалось, давал расписываться за всю выписанную сумму, а на руки выдавал в действительности причитающуюся им сумму. Оставшиеся от этой комбинации деньги расходовал на другие нужды школы, принял на должность завхоза своего знакомого, ранее растратившего 400 рублей, не принял соответствующих мер к изжитию имевшихся в школе случаев антисемитизма», а также не сообщил на новом месте работы об имевшем место недавно временном исключении из партии⁹⁷.

18–19 декабря 1929 г. комиссия по чистке, заслушав дело Терехова, рекомендовала «объявить строгий выговор с предупреждением и просить районный комитет послать его на производство для исправления политической и бытовой линии. Строгий выговор объявляется за выпячивание своего “я”, за игнорирование коллектива, для него чистка одна лишь формальность, за высокомерие, которое он проявил даже во время чистки»⁹⁸. Чистку, однако, Терехов все же прошел. В 1930 г. он оказался инспектором ленинградских втузов, но не только. Второе место работы в скором времени привлекает внимание

⁹⁰ Там же. Д. 269388/б. Л. 9 об.

⁹¹ Там же. Д. 269388. Л. 128.

⁹² Там же. Л. 3–3 об.

⁹³ Там же. Л. 103.

⁹⁴ Там же. Л. 14.

⁹⁵ Там же. Д. 269388/ж. Л. 2, 4–5.

⁹⁶ Там же. Д. 269388. Л. 14.

⁹⁷ Там же. Л. 9.

⁹⁸ Там же. Л. 14.

рабоче-крестьянской инспекции. 7 июня 1930 г. датируется резюмирующая часть проведенного ею длительного расследования деятельности артели «Металлоремонткооп», где Терехов был юрисконсультom. Дело вновь оказалось довольно шумным, включало обвинения в финансовых махинациях, антисемитизме, публикации в городской печати и проч. В итоге комиссия вынесла следующее решение: «Считать нецелесообразным использование Терехова на хозяйственной работе как имеющего наклонность к разбазариванию общественных средств и не имеющего хозяйственного кругозора, использовать на работе в других учреждениях по специальности»⁹⁹.

Специальность его, однако, была довольно расплывчатой. Использование оказалось таким же. Компетентные органы, вероятно, решили, что преподавательская работа будет безопаснее, и Терехов на какое-то время перешел в академические сферы. Сам он впоследствии писал, что непрерывный преподавательский стаж имел с самого 1918 г., регулярно читая лекции и проводя занятия в области политпросветработы. Но с начала 1930-х годов это направление его деятельности приобрело на какое-то время значительную систематичность. К 1931 г. он — заместитель директора 3-й Центральной профтехшколы им. М.В. Фрунзе, параллельно с этим читал лекции по экономполитике в Ленинградском электротехническом институте им. Ульянова-Ленина¹⁰⁰, в августе 1931 г. его назначили и.о. профессора по кафедре теории советского хозяйства, и он руководил циклом социально-экономических дисциплин Ленинградского механико-технологического учебного комбината кондитерской и макаронной промышленности¹⁰¹. Благодаря последнему и появляется столь милая сердцу Терехова приставка к имени — «профессор». Но и здесь, судя по всему, дело обстояло не так просто.

Судя по выписке из протокола заседания Президиума Учебно-методологического совета при секторе кадров Наркомснаба РСФСР, которому подчинялся комбинат, президиум на заседании 8 декабря 1931 г. ходатайствовал перед Государственным ученым советом об утверждении Терехова в качестве «и.о. профессора и руководителя кафедры политэкономии и теории советского хозяйства»¹⁰². Речь шла об утверждении в должности, а не звании, но эти мелочи «профессора Терехова» не интересовали.

В марте 1932 г. он все еще преподавал в том же вузе, но за участие в работе «дикого треста», частичную неуплату членских взносов и политические ошибки, допущенные при руководстве циклом (один из преподавателей был обвинен в «протаскивании» на занятиях троцкистских идей), признан Василеостровской районной конфликтной комиссией ВКП(б) заслуживающим исключения из партии. Комиссия учла его армейское прошлое и признание ошибок и решила не исключать из партии, ограничившись строгим выговором с предупреждением¹⁰³. Сам обвиняемый использовал тот же ход, что и несколькими годами ранее, попросту не явившись на разбирательство дела, ссылаясь на состояние здоровья. 11 марта 1932 г. он писал комиссии: «Я рассчитываю, что Вы учтете, какие громадные моральные страдания я пережил. У меня не было минуты спокойствия. Я не являюсь на разбор дела только потому, что боюсь показаться перед авторитетным органом каким-то истериком. Психически и морально я крайне подавлен»¹⁰⁴. 20 апреля 1932 г. он был уволен, но не по статье, а «согласно заявления вследствие болезни»¹⁰⁵.

Вероятно, после этого, осенью 1932 г. «психически и морально крайне подавленный» Терехов и стал директором Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе. В его личном деле из Научного архива РАХ сохранились копия выписки из трудового списка,

⁹⁹ Там же. Л. 99.

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 5301. Оп. 1. Д. 1081. Л. 2 об.

¹⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388. Л. 15.

¹⁰² Там же. Л. 168—169.

¹⁰³ Там же. Л. 221.

¹⁰⁴ Там же. Л. 219—219 об.

¹⁰⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 11а об.

датированная 1935 г.¹⁰⁶, и копия с копии справки о его назначении на должность директора музея¹⁰⁷. Из них следует, что директором музея с 25 октября 1932 г. он был назначен приказом Наркомпроса РСФСР за подписью заместителя наркома М.С. Эпштейна от 13 декабря 1932 г.¹⁰⁸ А «отозван» по распоряжению Ленинградского горкома ВКП(б) приказом по музею от 21 апреля 1933 г.¹⁰⁹

Здесь общая траектория профессиональной деятельности Сергея Сергеевича не изменилась. Доказательство этому, равно как и тому, что именно составитель упоминавшегося выше сборника «За коммунистическую нравственность» и был в прошлом директором музея в Исаакиевском соборе, можно найти в деле из фонда Смольнинской районной контрольной комиссии ВКП(б) от 1933 г. В нем содержится направленный в бюро ВЛКСМ Антирелигиозного музея и Облсовет Союза воинствующих безбожников «сигнал» от осветителя Ленинградского антирелигиозного театра (являвшегося тогда частью единого с музеем политпросветкомбината). Бдительный осветитель привлекал внимание ответственных органов к моральному облику директора музея и Дома антирелигиозной пропаганды Терехова, позволявшего себе излишне внимательное отношение к женской части руководимого им коллектива, чересчур масштабные рекреационные мероприятия у себя на дому и недостойное советского человека отношение к домработнице. Рассказ, написанный со слов очевидцев, иногда приобретает характер, достойный «Декамерона», однако самое интересное в документе — довольно флегматичная виза ответственного лица, проставленная на первом листе: «Дело Терехова разбиралось в 1932 [г]. Приобщил это заявление к тому делу, так как нового в этом материале нет ничего»¹¹⁰.

Возможно, «сигнал» от бдительного осветителя способствовал тому, что вскоре Терехов лишился и этого места работы. Впоследствии о нем он вообще старался не вспоминать, не указав ни в одной из двух известных нам автобиографий (ноябрь 1933 г., 1967 г.), ни в учетной карточке основных мест работы, служба на которых длилась больше года. Лишь анкета в деле, подтверждающем статус бывшего красноармейца (как раз содержащая сведения о директорстве), упоминая выше копия выписки из трудового списка от 1935 г., не менявшийся петроградский адрес да страсть к именованию профессором позволяют с точностью связать с фигурой второго директора музея пикареску насыщенной жизни Сергея Сергеевича, известную по другим источникам.

После ухода из музея Терехов, конечно же, продолжил свою профессиональную деятельность. В 1933 г. он был профессором «экономических и философских наук» Медицинского института им. И.И. Мечникова (в другом месте упоминается техникум при больнице им. Мечникова)¹¹¹, Академии художеств и Ленинградского института инженеров промышленного транспорта¹¹².

Наиболее яркой, судя по всему, была его работа в Академии художеств. С 1 октября 1934 г. он работает здесь научным сотрудником и помощником заведующего учебной частью в академическом Институте живописи, архитектуры и скульптуры¹¹³. Через девять дней (10 октября) становится заведующим кафедрой социально-экономических дисциплин¹¹⁴. С 1 сентября 1935 г. с должности научного сотрудника и помощника переведен на должность заведующего учебной частью, которую занимал лишь до 1 ноября 1935 г.¹¹⁵

¹⁰⁶ Там же. Л. 11а–11а об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 37.

¹⁰⁸ Там же. Л. 11а об., 37.

¹⁰⁹ Там же. Л. 11а об.

¹¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1273. Оп. 3. Д. 1044. Л. 1.

¹¹¹ Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/з. Л. 4 об. Этот «научно-учебно-лечебный комбинат» был организован в 1931 г. на базе больницы им. И.И. Мечникова. См.: НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 12.

¹¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/в. Л. 16; Там же. Д. 269388/г. Л. 1.

¹¹³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 1, 6, 26–27.

¹¹⁴ Там же. Л. 7, 26.

¹¹⁵ Там же. Л. 26–27, 46.

Тогда по собственному желанию был освобожден от этой нагрузки и остался заведующим кафедрой и профессором общественно-политических дисциплин. От этих обязанностей он был освобожден 20 февраля 1936 г., а окончательно уволен из Академии художеств 1 марта 1936 г.¹¹⁶ На время работы в Академии художеств приходится и его попытки получить ученую степень. 19 октября 1935 г. на заседании квалификационной комиссии по присвоению ученых степеней и званий Всероссийской академии художеств было принято решение ходатайствовать перед ВАК Наркомпроса о присвоении ему ученой степени доктора экономических наук с защитой диссертации (текст диссертации на тему «Экономика и этика» прилагался к ходатайству). Однако уже 27 декабря того же года выяснилось, что «ученую степень доктора и кандидата наук по кафедре общественно-экономических наук присуждают Комакадемией» (так в источнике. — В.А.), и комиссия постановила ходатайствовать о присвоении Терехову не степени, а звания профессора по экономическим наукам¹¹⁷. Впрочем, и такое ходатайство удовлетворено не было.

В том же 1936 г. Терехов действительно возглавил Издательство Лениблано. Оно, собственно, и стало местом самого страшного его падения.

В феврале 1937 г. Дзержинский райком ВКП(б) решил Терехова «за развал работы издательства, использование своего служебного положения в корыстных целях, за недостойное большевика поведение, хвастовство, чванство, зазнайство, за скрытие от парторганизации связи с контрреволюционерами-зиновьевцами, как разложившегося» исключить из партии¹¹⁸. Это было уже пятое для него исключение. В соответствующих материалах констатировалось, что пять месяцев его деятельности в издательстве привели к развалу работы. Новый директор насаждал бюрократические методы руководства, выписывал себе авансы на будущие книги, проявлял «чванство, хвастовство, зазнайство и кичливость». «[В]сюду афишируя себя профессором, будучи сам крайне разложившимся и деморализованным типом», он демонстрировал такую линию деятельности, которая соответствующими органами трактовалась как «система антисоветской работы враждебно настроенного проходимца»¹¹⁹. Бюрократизм среди прочего проявлялся в том, что вместо реального руководства новый директор, судя по всему, не слишком часто бывавший на работе, начал внедрять ноу-хау в виде памяток для работы сотрудников, призванных наладить самопроверку с их стороны. Образец одной из таких памяток сохранился в архивном деле. Памятка для сотрудников издательства датирована 20 ноября 1936 г. и состоит из перечня вопросов «для самоконтроля», которые и должны были (вместо того, чтобы докупать директору) задавать себе сотрудники. Вопросы были если и не оригинальными, то явно с претензией на фундаментальность. Вот несколько примеров: «Есть ли сомнительные и “опасные” места?», «Думать. Еще раз думать», «Самокритика», «Добиться полной изящности издания», «Вникать во все мелочи»¹²⁰.

Естественно, в 1937 г. не могло уже обойтись и без политических обвинений. Внезапно «выяснилось», что Терехов не просто злоупотреблял положением, был склонен к бюрократизму и разбазариванию общественных средств, но за всем этим стояли «контрреволюционные» намерения: «Терехов занимался бахвальством об его личных связях с Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым. Причем в 1927 году, после неудавшейся вылазки в Октябрьские праздники, Зиновьев, Бакаев и другие у него (Терехова) на квартире делились впечатлениями об этой вылазке»¹²¹. 3 июня 1937 г. решение об исключении из партии было подтверждено партколлегией при УКПК по Ленинградской области. Над головой преподавателя Овощного учебного комбината Центросоюза¹²² сгушались тучи.

¹¹⁶ Там же. Л. 26–27.

¹¹⁷ Там же. Л. 35.

¹¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/з. Л. 4 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 4–4 об.

¹²⁰ Там же. Л. 5–7.

¹²¹ Там же. Л. 4 об.

¹²² Там же. Л. 3, 4 об.

В августе того же года последовал арест¹²³. Сам Терехов в автобиографии 1967 г. писал об этом так: «В 1937 году произошла трагедия. Мой друг, будучи секретарем Ленинградского обкома партии, П.И. Смородин дал санкцию на мой арест. Я, разумеется, понимал, в чем дело»¹²⁴.

Сколько именно времени он провел в заключении, неизвестно, но и здесь архивные документы дают некоторые ориентиры.

Когда Академия художеств попыталась в январе 1937 г. через народного судью вернуть принадлежавшие ей книги, журналы и газеты, находившиеся у бывшего заведующего кафедрой, а также взыскать с него 700 руб., исполнительный лист 13 ноября 1937 г. был возвращен истцу (Академии художеств) с пометой: «ввиду того, что ответчик выбыл в город Александровск»¹²⁵ (вероятно, административный центр Сахалинской области РСФСР). Маем 1948 г. датированы первые запросы Терехова в Архив Академии художеств с просьбой выдать ему копии некоторых документов, связанных с его работой в этом учреждении. Они направлены в Ленинград из Майкопа¹²⁶. На одной из справок от руки указаны данные документа, надо полагать, удостоверяющего личность Терехова. Это годовое удостоверение (паспорт) № 5009, выданное РОМ МВД по ЮЗГПУ поселка Сеймчан Хабаровского края¹²⁷ (сейчас — Магаданская область). В декабре 1954 г. очередной запрос от него пришел в архив со станции Жана-Арка Карагандинской железной дороги¹²⁸ (современный Казахстан). Эти адреса позволяют в общих чертах понять траекторию возвращения второго директора музея из ГУЛАГа.

В 1956 г. Терехов был реабилитирован, восстановлен в партии и в 1967 г. трудился на должности старшего преподавателя в Ленинградском технологическом институте холодильной промышленности¹²⁹. Продолжил он, как указано выше, и литературную деятельность.

Таким образом, прошлая деятельность еще меньше могла подготовить его к руководству музеем, чем биография директора первого. Финн, по крайней мере, более 10 лет занимался политпросветработой. Терехов занимался многим, но, как правило, недолго. Понятно, что от этого руководства особых идей в области музейного дела ожидать не приходилось. Для новосозданного музея и заведующий полковыми библиотеками Финн, и «профессор Терехов» оказывались не самыми подходящими директорами.

Сложность самой задачи осуществления антирелигиозной пропаганды музейными средствами отягощалась, таким образом, еще и подбором руководящих кадров, который, очевидно, был достаточно случаен. Как было показано выше, два первых директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе не только не были опытными музейными работниками или крупными «предметниками», но и как руководители к моменту своего назначения на эту должность или не проявили себя ничем особенным, как Л.Н. Финн, или же, наоборот, как С.С. Терехов, проявили исключительно с отрицательной стороны (в этом отношении биографии их ближайших преемников, *volens nolens*, будут мало чем отличаться). Их дальнейшая профессиональная траектория включала назначения самого разного характера, явно не предполагавшие глубины каких-либо специальных знаний. Возможно (особенно в случае с Тереховым), причина была в некоем патронаже, оставшемся вне свидетельств архивных материалов. Возможно, однако, что речь шла и об определенном рода инерции, демонстрирующей слабую эффективность советской бюрократической системы, абстрактно перемещавшей с места на место одних и тех же

¹²³ Там же. Д. 269388/6. Л. 5.

¹²⁴ Там же. Л. 2.

¹²⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 367. Л. 24.

¹²⁶ Там же. Л. 28, 32.

¹²⁷ Там же. Л. 34.

¹²⁸ Там же. Л. 43.

¹²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 269388/6. Л. 6.

лиц, вне какой-либо реальной связи с их профессиональными знаниями или продемонстрированной эффективностью работы.

Библиография

Ананьев В.Г. О том, как нобелевский лауреат, нештатный экскурсовод да вдова Ленина профиль антирелигиозного музея меняли и что из этого вышло // Михайловская Пушкиниана. Вып. 97. Сельцо Михайловское, 2023. С. 211–217.

Варфоломеев Ю.В. Дело лейтенанта Б.Н. Никитенко: покушение на цареубийство в 1907 г. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 94–105.

Весь Ленинград на 1924 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1924.

Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1903.

Голованова А.В. Руководители и их роль в жизни музея в XX веке // Кафедра. Вып. XI. СПб., 2013. С. 40–50.

Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.

Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017.

Медвинский Д.Ю. Руководители Государственного антирелигиозного музея И.М. Штрейхер и Е.И. Восток: страницы биографии // Кафедра. Вып. XXXI. Ч. 1. СПб., 2022. С. 106–123.

Некрасова А.Н. Вера в разум. Антирелигиозный музей в Ленинграде как проект эпохи модерна // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 80–91.

Сапанжа О.С. Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2011.

References

Ananiev V.G. O tom, kak nobelevskij laureat, neshtatnyj ekskursovod da vdova Lenina profil' antireligioznogo muzeja menjali i chto iz .etogo vyshlo [How the Nobel laureate, a tour guide-freelancer and Lenin's widow changed the profile of an anti-religious museum and what came of it] // Mikhajlovskaja Pushkiniana. Sel'tso Mikhajlovskoe [Pushkiniana of Mikhajlovskoe]. Vol. 97. Mikhajlovskoye village, 2023. S. 211–217. (In Russ.)

Golovanova A.V. Rukovoditeli i ih rol' v zhizni muzeja v XX veke [Directors and their role in the life of the museum in the 20th century] // Kafedra [Cathedral]. Vol. XI. Sankt-Peterburg, 2013. S. 40–50. (In Russ.)

Kozlova L.A. "Bez zashhity dissertacii...": Statusnaja organizacija obshhestvennyh nauk v SSSR, 1933–1935 gody ["Without defending a dissertation...": Status organization of social sciences in the USSR, 1933–1935] // Sociologicheskij zhurnal [The Sociological Journal]. 2001. T. 2. S. 145–158. (In Russ.)

Lubeznikov O.A. Isaakijskij sobor v 1917–1920-e gg. Arhitektory M.T. Preobrazhenskij, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov i problema muzeefikacii pamjatnika [St. Isaac's Cathedral in 1917–1920^s. Architects M.T. Preobrazhensky, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov and the problem of musealisation of the monument]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Medvinskij D.Ju. Rukovoditeli Gosudarstvennogo antireligioznogo muzeja I.M. Shtreikher i E.I. Vostokov: stranitsy biografii [The leaders of the State Anti-Religious Museum I.M. Shtreikher and E.I. Vostokov: pages of biographies] // Kafedra [Cathedral]. Vol. XXXI. Pt. 1. Sankt-Peterburg, 2022. S. 106–123. (In Russ.)

Nekrasova A.N. Vera v razum. Antireligioznyj muzej v Leningrade kak proekt epokhi moderna [Faith in reason. Leningrad anti-religious museum as a modernity project] // Muzej. Pamjatnik. Nasledie [Museum. Monument. Heritage]. 2018. Vol. 1 (3). S. 80–91. (In Russ.)

Sapanzha O.S. Kul'turologicheskaja teorija muzejnosti: avtoref. dis. ... dokt. kul'turologii [The culturalological theory of museality: abstract of Hab. Diss.]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Varfolomeev Ju.V. Delo leitenanta B.N. Nikitenko: pokushenie na tsareubiistvo v 1907 g. [The case of Lieutenant B.N. Nikitenko: regicide assault in 1907] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2014. Vol. 4 (31). S. 94–105. (In Russ.)

Ves' Leningrad na 1924 god: adresnaia i spravocnaia kniga g. Leningrada [Whole Leningrad for 1924: address and reference book]. Leningrad, 1924. (In Russ.)

Ves' Peterburg na 1903 god: adresnaia i spravocnaia kniga g. Sankt-Peterburga [Whole Petersburg for 1903: address and reference book]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)